

РОМАН СТАНИСЛАВА МИЛЛЕРА

16+

НЕ БУДИ ЛИХО

ОНО УТОЛИТ ГОЛОД ТОБОЙ

Станислав Миллер

Не буди Лихо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032267

SelfPub; 2022

Аннотация

Во время ночной остановки поезда Катя просыпается в полном одиночестве. Пассажиры бесследно исчезли. Лишь горстка уцелевших встречается на ее пути. Им еще предстоит выяснить, что встреча не случайна. Но времени остается мало – нечто зловещее приближается.

И оно голодно.

Остросюжетный роман захватит читателя с самого начала и не даст перевести дух до завершения истории.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	42
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Станислав Миллер

Не буди Лихо

Пролог

Черный как копоть ворон прятался от проливного дождя в ветвях старого дуба. В его маленьких глазках отражался тяжело бредущий по лесу человек – мужчина средних лет, с окладистой бородой. Он был одет в камуфляжные куртку и брюки, под стать лесному окружению. За спиной болтался тканевый рюкзак, пропитанный влагой так плотно, что с него стекали ручьи воды.

Ворон наблюдал за каждым шагом. Он видел людей и раньше, но двуногие редко заходили в чащу так далеко. А те, что заходили, никогда не возвращались назад.

Человек прошел мимо дерева, на ветвях которого сидел ворон, злобно ударив по стволу так, что вибрация прошла до самой кроны. Мужчина озирался, выбирая куда двигаться дальше. Затем поправил рюкзак и направился на север, словно это что-то значило. Ворон знал – что ни выбери, все равно окажешься там, где суждено. Таков был ход вещей в этом лесу.

Когда человек почти скрылся из виду, ворон последовал вслед за ним – от одного дерева к другому. Он летел против

воли лишь потому, что воля его была порабощена. Потому, что оставаться на ветке старого дуба было мучительно больно – в голову словно проникали незримые щупальца и сдавливали, подстегивали, били. Ворон не понимал откуда они исходят, но знал, что эта сила гораздо древнее и сильнее, чем он. Уничтожить жалкую птицу ей не составит и малейшего труда.

Спустя время ворон заметил, что летит не один – с ним была стая. Как и он, сородичи прыгали по веткам, взмывали вверх и тут же пикировали вниз, страшась упустить человека. Все в едином порыве следовали одной цели. Так случилось и раньше – когда они защищали птенцов, добывали пищу или искали новый дом.

Сейчас все было иначе. Мерзкие невидимые кнуты держали всех в первобытном страхе. Одно лишь слово – и птицы бросятся на человека, готовые растерзать его, даже ценой собственной жизни. Их мощные клювы и острые когти были готовы.

Птицы, разумеется, не могли знать, что человека звали Виктор Самойлов, как и того, что единственным источником дохода в его жизни было браконьерство.

Стоило Виктору взглянуть наверх, он бы заметил странных птиц, преследующих его. Их маленькие глазки и пугающе сосредоточенный взгляд. Сосредоточенный ни на ком, кроме него.

Но проблем хватало и без этого. Виктор бросил взгляд на

бедро, где одежда была окрашена в красный цвет – будто кто-то случайно опрокинул банку гуаши на камуфляж. Кровотечение уже прекратилось, но Виктор опасался, как бы рана не открылась снова.

Несколько часов назад, когда еще было светло, ему пришлось столкнуться с инспектором рыбоохраны. Эта чернильная крыса все же выследила его! Нет, поначалу все шло хорошо. Первая сеть оказалась просто переполненной рыбой, да какой! Только стерляди было штук десять, не меньше! Но стоило направиться ко второму «секретику», как на реке показалась лодка инспектора. Через секунду из рупора послышался окрик с требованием немедленно остановиться.

Виктор понимал – то, что было поймано, уже тянуло на уголовку. Узнай инспектор про остальное – реального срока было бы не избежать. Вот только на лодке уже было не скрыться, тем более, с уловом. Что ж, для таких случаев (а особенно для споров с рыбаками) у Виктора была припасена прочная дубина с металлическим набалдашником. Инспектор мог быть вооружен, да только известно, что пушку подобные ему применяют лишь в крайнем случае.

Подпустить «крысу» поближе не составило труда. Достаточно было затормозить да поинтересоваться, на каком основании от него требуют остановиться. Едва лишь лодки поравнялись, Виктор бросился в атаку.

Тогда-то все и пошло наперекосяк. Инспектор оказался крепким мужиком с реакцией, достойной римского гладиатора.

тора. Он выхватил перочинный нож и вонзил в бедро, едва Виктор занес руку для удара.

Он помнил резкую боль, и как махнул дубиной сильнее, чем хотел. После первого удара инспектор рухнул на дно лодки. Потом бить, конечно, не стоило. Теперь Виктор это понял. В тот момент остановиться было трудно.

Он помнил и тело инспектора с деформированным, залитым кровью черепом. И пронзительную мысль: «Теперь я – убийца».

Осознание того, что инспектора будут искать, наступило сразу. Пришлось привязать тело и набросать побольше камней, прежде чем удалось затопить обе лодки. С большим сожалением Виктор избавился и от рыбы. Добираться домой предстояло через лес, а с таким грузом далеко уйти не получится.

У бывшего инспектора вещей было немного. Большая часть оказалась старым барахлом. Из хорошего: две с половиной тысячи рублей; какие-то измерительные приборы, по виду – недешевые; оранжевый сигнальный пистолет, которым пользоваться Виктор не умел. Все это добро вскоре оказалось в его сумке.

Путь через лес оказался неожиданно длинным. Виктор не раз проходил через эти места, но после двадцати минут шествия вдруг потерялся. Компас был бы очень кстати, вот только он его не захватил – путешествие через чащу не входило в планы. Вдобавок, хлынул ливень.

Вскоре он пытался вернуться назад, но этого «назад», казалось, больше не существовало. Так и очутился в чаще, среди деревьев, которым стукнул далеко не первый десяток лет. Среди высоких кустарников, хватающих ветками ноги. Среди холмов, ям и рытвин, что были опаснее охотничьих капканов.

Виктор остановился возле очередного дерева, переводя дух. Листья немного сдерживали дождь, хотя, что толку – одежда и так вымокла до нитки, тянула вниз. Сапоги неприятно чавкали. Виктор достал из рюкзака мобильный телефон. Связи не было еще у реки, а сейчас он и вовсе не включался. Похоже, отсырел.

– Как можно было заблудиться? Да я тысячу раз, не меньше, ходил с реки до деревни, – бормотал Виктор.

Пару часов назад он продолжал сожалеть, что пришлось убить человека и еще больше – что за ним придут, и остаток жизни предстоит провести в тюрьме. Все, что хотелось теперь – убраться как можно дальше из этого чертова леса. Увидеть жену хотя бы еще раз. Черт с ним, с тюрьмой!

«А ведь и правда, может быть, это – черт! – вдруг подумалось ему. – Или его брат – леший».

Виктор торопливо снял сапоги. Бабки в деревне говорили, что, мол, леший любого человека заблудить может, даже в знакомых местах. А раз так, то непременно надо обувь надеть на другую ногу, да еще и стельками вверх.

Сделал. Что же там было еще?

Ах, да.

Виктор снял куртку, вывернул на изнанку и вновь натянул на себя. Переодеваясь, вспомнил, что на шее висит серебряный крест. Наверное, стоило помолиться, только ни одной молитвы Виктор не помнил. На всякий случай, просто попросил помощи от всех, кто слышит.

Теперь все должно стать в порядке. Он чуть увереннее двинулся вперед. Сперва лес, казалось, становился все мрачней. Тучи чернели. Но вскоре, где-то вдаль мелькнул огонек. Затем еще раз.

– Лишь бы не показалось, – выдохнул Виктор и перекрестился, как учили.

Дождь все так же продолжал лить, а кусты вокруг подозрительно дрожать. Где-то сверху, в шуме дождя временами слышалось глухое карканье. Чем ближе становился огонек, тем меньше все остальное волновало Виктора. Маленький источник света поглощал его внимание как опытный гипнотизер.

Очередное дерево, очередная яма, очередной ухаб. Лес оставался неизменным, но через несколько шагов, когда силы уже готовы были покинуть его тело, Виктор вывалился из непролазного кустарника прямо к деревянной стене избы.

– Дошел! – простонал он.

Дошел! Все самое трудное, похоже, было позади. Он надеялся на это как ребенок на новогодний подарок.

Изба оказалась большой, богатой. Она была сложена из

бревен, но не клетью, хотя так было бы проще, а замысловато – с пристройками. Окна украшены резными ставнями, древесина покрыта пропиткой. За вторым этажом угадывался чердак – тоже немалых размеров. В их деревне уцелевшие старые дома были намного примитивнее. Новые строились редко, но если уж строились, то из кирпича.

В старину в такой избе, если кто и мог жить, так непременно купец или староста. Вот только кто бы из них поселился посреди глухого леса?

Эта мысль вдруг встревожила Виктора. В другое время он, быть может, обошел дом стороной. А сейчас-то куда деваться?

Пока Виктор искал входную дверь, глаз то и дело замечал странное. Дом в густой чаще, а земля вокруг не тронута, не вспахана. Он сам предпочитал рыбу или дичь, но на зиму их не напасешься. Даже местный прокурор, будь он неладен, и тот каждую осень собирал картофельный урожай.

Опять же, изба хоть и богата, но запущена. Местами проявилась плесень. Углы крыши были затянуты паутиной, полной дохлых мух. Ни забора вокруг дома, ни тропинки. Словно и не жилой, а свет горит.

Хозяева, стало быть, дома? Виктор постучал во входную дверь. Та медленно, со скрипом отворилась, обнажив внутреннее убранство.

– Есть ли кто из жильцов? – крикнул он, перешагнув порог. – Я заблудился! Если нельзя остановиться, так хоть до-

рогу подскажите. И извините, что грязный – погода сегодня не шепчет.

Ответа не последовало. Хозяева, должно быть, на время покинули дом – свет был оставлен, а из комнат доносился аромат готовящейся пищи.

Виктор разулся возле входа. Не то чтобы его волновала чистота, скорее хотелось показать хороший вид перед жильцами. Не обнаружив вешалки, бросил на пол сумку, сырую куртку и прошествовал дальше, сквозь небольшой коридор.

Преодолев его, Виктор оказался в просторной комнате. Он с удивлением обратил внимание, что потолки были расположены высоко, даже чересчур. Он как будто сам уменьшился в размерах.

Комната, судя по всему, была чем-то средним между гостиной и столовой – посередине стоял длинный стол, окруженный деревянными стульями. Вдоль стен располагались бочки и шкафы, уставленные домашней утварью. Необычно маленькая дверь вела, как подумал Виктор, в подвал или кладовку. Дальняя стена прерывалась проемом, в котором виднелась лестница, уходящая на второй этаж.

Недалеко от обеденного стола была расположена покрытая жирными пятнами печь, в которой весело побрякивал горшочек. Похоже, аромат, заставляющий желудок трепетать, доносился именно оттуда.

«Супчик готовят. Или жаркое, – подумал Виктор. – Ну, не поесть, так хотя бы взглянуть одним глазком».

Он схватил крышку и тут же отдернул руку. Выругался, глядя на обожжённые пальцы. Как будто раны в бедре не хватало! Наверняка здесь должен быть крюк или что-нибудь вроде того?

Ухват и столовые приборы валялись на подоконнике возле окна. Стоило лишь подойти к ним, как в стекло что-то ударило. Виктор вздрогнул, увидев, как большая черная птица сползает с той стороны окна, оставляя багровый след. В месте удара осталась извилистая трещина.

– Напугал, сволочь, – покачал головой Виктор. – Нехороший это знак. Эх, нехороший.

Он с опаской взял ухват – не бросится ли кто в окно вновь – и направился к горшку. Достал из печи, надеясь, что пища уже приготовилась. Если и нет, то ничего страшного. Горячо сыро не бывает.

Внутри оказалось мутное варево, отдаленно напоминающее суп. Еще вчера Виктор на такое даже бы не взглянул, но теперь сойдет и это. К тому же, несмотря на отвратный видок, запах был неплохим.

Он перемешал ложкой содержимое. Интересно, с каким мясом суп? Говядина? Свинина? Или...

Со дна медленно выплыл человеческий череп с остатками кожи. На нем, казалось, застыло выражение ужаса. Пустые глазницы таращились на Виктора.

Нет. Не на него. Куда-то за спину.

Он обернулся и увидел дверь, через которую вошел

несколько минут назад. Она была распахнута и качалась от порывов ветра. За ней, в шуме дождя, отчетливо слышалась чавкающая поступь тяжелых шагов. Очень близко. Настолько, что было поздно бежать, сломя голову.

Виктор бросил взгляд на сумку, что лежала в коридоре. Если получится, то можно успеть схватить сигнальный пистолет. Самое время научиться им пользоваться или хотя бы показать каннибалам, что Виктор вооружен и готов защищаться.

Тем временем, в проеме показался силуэт. Высокого роста с неправильными, изогнутыми пропорциями для человека. Затем, оно заговорило, растягивая слова:

– Да у меня, никак, гости-и. Давненько я свежего мяса не еда-ал.

Молния сверкнула, осветив силуэт. Когда Виктор разглядел вошедшего, то громко, поражаясь самому себе, закричал.

Глава 1

На перроне было шумно. Люди мчались из стороны в сторону, грохоча чемоданами огромными настолько, что в них, казалось, были упакованы целые квартиры. Гудели поезда, звучали призывы продавцов шаурмы, временами хрипел динамик, оглашая последние новости привокзальной жизни.

Хотя солнце светило ярко, погода, на удивление, была холодной. Самые авторитетные синоптики заявляли, что в этом июне температура едва ли поднимется выше пятнадцати градусов, да и то в середине дня.

Возле восемнадцатого вагона поезда «Киров-Москва» выстроилась очередь. Пассажиры, одетые не по погоде, поживались. Некоторые молча ждали, другие поторапливали проводника, сверяющего билеты.

– Ну их! – махнула рукой Катя. – Пусть проходят, поезд без меня не уйдет.

Предстоящая поездка вызывала у нее смешанные чувства. Как продукт с истекшим сроком годности во время приступа голода. Может быть, он окажется безвредным и даже вкусным. А если не повезет – жди неприятных последствий.

Ее отец, улыбнувшись, покачал головой.

– Не сильно торопишься, да? Ничего, пара минут у нас есть.

Он тяжело дышал. Судя по всему, устал, пока тащил че-

модан Кати, но старался сохранять боевой вид.

«Не такая уж я развалина», – иногда говорил отец, когда старался взять на себя чуть больше, чем требовалось. Никто и не спорил, ведь к своим годам он был в неплохой форме, а скуластое волевое лицо, украшенное серебряной щетиной, говорило каждому, что они имеют дело с бывшим офицером.

«Нет, не развалина, – подумала Катя. – Но возраст есть возраст». Она с ужасом отогнала мысль о том, что когда-нибудь его не станет, так же как не стало ее мамы.

– Во всем можно найти свои плюсы, – продолжал говорить отец. – В Москве сложно жить, но там полно потрясающих возможностей. Если будешь хорошо учиться и старательно работать, то сможешь стать кем угодно.

– Мне и здесь было неплохо, – грустно улыбнулась Катя.

– Не дави на больное... Повезло, что тетя согласилась тебя приютить. Мы с ней никогда особо не дружили, – признался он. – Уж слишком она стержовная. Но к тебе всегда относилась хорошо.

– Так ведь она меня с детства не видела? – удивилась Катя.

– Вот и наверстаете упущенное.

Она заметила, как один из прохожих поднял мобильный телефон, собираясь сделать фотографию. Катя инстинктивно отвернулась. Она ожидала этого. Знала, что они достанут ее и здесь. Отследили по железнодорожному билету, разумеется!

– Все в порядке, – слышался спокойный голос отца. –

Парень снимает сам себя. По-моему, это называется «селфи». Я бы назвал это иначе, но, боюсь, это будет звучать как старческое ворчание.

Спокойные нотки в его голосе заставили Катю прийти в себя. Будь тот парень журналистом, пришедшим по ее душу, то отца было бы не сдержать. В такие моменты он превращался в офицера Романова – человека, которого вы бы с радостью приняли в качестве командира в «горячей точке», но в мирное время обошли стороной за пару кварталов. Будто другая личность в минуты опасности перехватывала контроль над телом.

Тем временем, очередь сдвинулась еще на пару человек. Молодой проводник, сверяющий билеты, работал, похоже, не очень давно. Он заметно нервничал, когда не мог найти пассажира в списке. Левая бровь подергивалась, на щеках проступил румянец. Из очереди пассажиров доносились недовольные вздохи.

Катя нервно оглядывалась по сторонам. Ей казалось, что журналисты все-таки придут за ней. Для них это было бы все равно, что упустить крупную рыбу с крючка. Отец, заметив ее состояние, отошел чуть в сторону и поманил за собой.

– Смотри, – он вдруг указал рукой в сторону вагона. – Это даже интересно...

– Что такое? – не поняла Катя.

Она уставилась в направлении его руки. Вагон как вагон. Не слишком новый. Скорее, слишком старый. Краска места-

ми облупилась, в нижней части проступали следы ржавчины. Сквозь окна мелькали пассажиры, которые успели пройти контроль. Они суетились в поисках нужного места, раскладывали сумки, доставали еду.

– На цифры, – уточнил отец.

Между окнами большими белыми буквами было написано «РЖД». Сразу под надписью красовались цифры – «044». Катя все равно не поняла, что имел в виду отец.

– Лет пять назад я был в Китае. По служебной командировке. Нужно было научить местных, как пользоваться купленной военной техникой, поэтому отправили меня да еще пару ребят, – сказал он. – Нас разместили в гостинице, между прочим, не самой плохой. Питание четыре раза в день, культурная программа, выпивка... Эх, я тогда несколько килограмм прибавил.

– И как же это связано с цифрами? – уточнила Катя. Отец, того и гляди, ударится в воспоминания. Потом не остановишь.

– Так вот. В гостинице для нас выделили четвертый этаж. Захожу я, значит, в лифт в первый же день, и не могу найти нужную кнопку. Все цифры есть, а четверки – нет. Оказывается, их там почти не бывает.

– Почему? – удивилась Катя.

– Мне потом объяснили, что четверка у китайцев символизирует смерть или что-то очень плохое. Эта цифра, вроде как, может навлечь большие несчастья. Поэтому, хотя мы

и жили на четвертом этаже, назывался он пятым. Такой вот самообман, – отец немного помолчал, а затем добавил: – А здесь сразу две четверки. Если мыслить, как китайцы, то получается, что это означает множество смертей?

– Спасибо, пап. Большое спасибо.

Заметив, как изменилось лицо Кати, отец осекся.

– Прости, милая, – поспешил добавить он. – Я и не думал, что напомним тебе об ... этом. Не верь всяким глупостям. Этот поезд старше тебя, но ни разу не попадал в аварии. К тому же, мы ведь не китайцы.

Он нежно обнял Катю, но чувство тревоги уже не отступало. Отец был не виноват. В таком подавленном состоянии она пребывала последние несколько месяцев. Иногда становилось чуть лучше, до очередного выпуска новостей про нее.

– Обязательно звони, как доберешься до тети, – сказал отец. – И не забывай, я буду помогать, чем смогу.

– Ну, пап. Не все так плохо. До голодной смерти уж точно не дойдет.

– Мрачновата шуточка, – отец сохранял серьезное выражение лица. – Обещай звонить каждый день!

– Обещаю, обещаю! – Катя вскинула ладонь вверх в притворной клятве. – Ты так со мной все деньги на звонки просадишь.

– Я даже «Скайпом» пользоваться научусь, если хочешь, – добавил отец. – Могу установить на телефон «Вайбер» или как оно там называется?

– Хотела бы я на это посмотреть. После того случая с моим новым ноутбуком... Помнишь, у ремонтника дар речи пропал, когда он его увидел?

Отец захохотал, заставив прохожих обернуться. Проводник, обслуживший всех пассажиров, нервно поглядывал на них, ожидая документы, но Катя медлила. Плюсы можно искать во всем, что угодно, да только уезжать ей совсем не хотелось. Ни в Москву, ни куда бы то ни было еще.

– Сорок четвертый поезд по направлению Киров-Москва, отправляется через пять минут, – неожиданно громкий голос динамика заставил Катю вздрогнуть. Половина слов потонула в помехах. – Всем провожающим просьба покинуть вагоны. Повторяю...

Катя неловко улыбнулась отцу, сунула проводнику билет и паспорт, как вдруг ощутила прикосновение к плечу.

– погоди, я чуть не забыл.

Отец протянул маленький золотой кулон на цепочке. Катя сразу узнала украшение мамы. Внутри была фотография: папа с мамой, совсем еще молодые, на фоне Крымских гор. Они улыбались, были счастливы, были неразлучны. Мама была жива.

Отец вечно таскал кулон с собой. Говорил, что в трудные минуты с ним становится легче. Поэтому Катя так удивилась его поступку.

– Возьми, – произнес он.

– Пап, я не могу... Это же твое, – Катя не могла найти

нужных слов. – Память о маме...

– Память – это то, что находится вот тут, – отец постучал пальцем по виску. – А тебе пригодится. Особенно, если станет совсем тоскливо.

Катя хотела было вновь возразить, но взглянув на отца, молча взяла кулон. Они крепко обнялись.

– Ладно, хорош тут сопли разводить, – сказал отец. – А то поезд без тебя уедет. Или так и задумано?

– Да, мой хитрый план пошел ко дну.

Отец хотел помочь занести чемодан в вагон, но проводник нервно выпалил, что провожающим уже слишком поздно проходить внутрь. Они немного поспорили, но молодой человек был на удивление непреклонен.

Катя молча втащила чемодан по ступенькам и еще раз взглянула на отца. Тот одобрительно кивнул.

Пора было начинать новую жизнь.

Глава 2

Майор Городилов был вне себя от злости, и причин для этого было предостаточно. Началось все с самого утра, когда вместо будильника его разбудила пронзительная зубная боль. Он прополоскал рот содой, и это решение спасло его на целых полчаса. Стоило навестить стоматолога, да разве службу так просто оставишь? Майор еще никогда так не желал сбежать из своего кабинета, как сегодня.

Как оказалось, зубная боль была легкой прелюдией перед основным блюдом. Последние тридцать минут жизни Городилов потратил, выслушивая отборную ругань начальника управления. Опуская бранные слова, речь шла о том, что он и так прекрасно знал – один из его подчиненных крупно облажался.

Парень как раз сидел перед его столом, опустив голову.

Кабинет был тесноват, но Городилову нравился. Любой, кто приходил к нему на встречу, чувствовал себя неуютно, скованно перед давящими стенами. А если ты чувствуешь себя неуютно перед начальником оперативной части, значит все движется в правильном направлении.

Нет, перебраться в кабинет побольше было бы неплохо. Но Городилов понимал, что после случившегося у него больше шансов выиграть в лотерею, причем без покупки билета.

Парень молчал, даже не двигался. Городилов вздохнул.

Достал из ящика стола граненый стакан, пластмассовую бутылку. Вода оказалась теплой, неприятной. Прежде чем проглотить, Городилов тщательно прополоскал рот.

«Сранный карьер убьет меня еще до заката», – подумал он.

Вместо воды можно было плеснуть коньяка. Грамм пятьдесят. Подаренная бутылка как раз пылилась в шкафу, вот только на службе майор не употреблял. Ну, разве что в исключительных случаях.

Городилов бросил взгляд на парня. Орать было бесполезно, тот и так все понимал. Но показать ему тяжесть ситуации стоило.

– Знаешь, кто только что звонил? – спросил Городилов.

– Никак нет, товарищ майор.

– Наш общий начальник. Тот самый, которого вы, опера, втихаря называете «Зубилом», – продолжал Городилов. – А знаешь ли ты, по какому поводу «Зубило» звонил?

– Догадываюсь, товарищ майор.

– Чтобы вздрючить меня как ссаного кота! Я услышал о себе много информации, которую вовсе не хотел бы знать. И все из-за твоего залета!

Парень сохранял спокойствие. В его личной карте было написано слово «хладнокровен», и Городилов имел возможность убедиться в этом воочию. Даже немного позавидовал выдержке.

– Послушай, Фролов, – устало сказал майор, – влетел ты по-крупному, сам знаешь. Потерпевший оказался сыном

депутата Мосгордумы, это ж надо! Кстати, этот, мать его, слуга народа уже обзвонил все газеты и телевидение. Говорят, требовал тебя выкинуть из органов и посадить лет на десять. Правда, газетчикам он забыл упомянуть, что сынок-то его – героиновый торчок.

Городилов скривился от внезапного приступа боли. Сквозь зуб как будто продиралась бригада бурильщиков, к тому же стахановскими методами. Майор прижал челюсть рукой. Стало чуть легче.

– Все в порядке, товарищ майор? – услышал он.

«Переживает парень. Значит, не совсем еще зачерствел на службе, – подумал Городилов. – Или делает вид. Впрочем, какая разница?»

– Короче, наказания тебе не избежать. Но я решил ограничиться предупреждением о неполном служебном соответствии, – после недолгой паузы продолжил майор. Боль на время отступила. – Парень ты молодой, и ломать жизнь из-за одного неудачного дня я не хочу. К тому же, раскрываемость у тебя на нормальном уровне. Но, само собой, еще один косяк и ты вылетишь быстрее, чем мой зуб в кабинете стоматолога.

Городилов умолчал о том, что в части и так не хватает кадров. По меркам Москвы зарплата была небольшой. Зато чего уж было много – так это ночных переработок. Если уволить одного из оперов в середине года, местной психиатрической больнице будет грозить пополнение от его бывших коллег,

не выдержавших перегрузок.

Этого парню знать не стоило. Пусть лучше думает, что начальник проявил благосклонность.

– Есть предупреждение о неполном служебном! – отчеканил Фролов. – Разрешите идти?

– Не торопись. Пока шумиха не уляжется, надо бы тебя спрятать от греха подальше. Или хочешь увидеть себя на развороте желтой газетенки?

– Мне взять отпуск без содержания?

Не ответив, Городилов потянулся серым папкам, что в изобилии скопились на краю стола. Все с одинаковой обложкой, начинавшейся со слов «ДЕЛО №...». Каждая, несмотря на блеклый вид, вмещала результаты трудов ряда оперативников. С этой кипой бумаг майор должен был разобраться до вечера, а на следующий день на столе появится новая.

Майор пошуршал немного, выдернул нужную папку из середины и толкнул ближе к Фролову.

– Какой еще отпуск? – усмехнулся Городилов. – Служба не ждет. Вот твое новое дело. Когда с ним разберешься, может, все и уляжется.

Фролов открыл папку с заметным интересом. Сосредоточился, словно приступил к оперативной работе здесь и сейчас.

– Молодец, не теряешь времени, – похвалил его Городилов. – На самом деле, его у тебя не так много. Завтра же отправляешься в командировку в Киров. Билеты уже куплены.

Оттуда почти сразу сядешь на поезд в Москву. Командировочные тебе оплатят.

– Какой-то уж очень странный маневр, товарищ майор, – заметил Фролов. – Сначала туда, потом обратно. Как хоббит по Средиземью. Может, вкратце поясните?

– Из Кирова в Москву поедет один вор. Личность, известная в узких кругах под кличкой «Седой». Он как раз на днях освобождается из колонии. Это, кстати, в твоей папке есть, почитай, – сказал Городилов. – Есть информация, что он собирается на сходку с одной местной ОПГ. Наверняка будут обсуждать новое дельце.

– А от меня что требуется?

– Ты сядешь ему на хвост. Никакой самодеятельности – просто наблюдение на время поездки. Когда он доберется до места сходки, дашь сигнал. Мыотреагируем.

Фролов перелистнул пару страниц.

– Разрешите вопрос? Даже несколько.

– Валяй. Только быстро.

– Почему бы не поручить это местным операм? Они Седого прямо из колонии «зацепить» могут.

– Я им не доверяю. Нет, они наверняка добросовестные, вот только квалификация не та. Не привыкли они работать с такой крупной рыбой, – сказал Городилов.

– Понятно. Тогда не проще встретить Седого сразу здесь, на вокзале? – спросил Фролов. – Зачем эта беготня?

– А затем, Максим, что Седой – не дурак. Может, даже

умнее тебя. Не нужно его недооценивать, – Городилов откинулся в кресле. – Билет-то он взял до Москвы, да только сойдет на другой станции. Чуть пораньше, по пути. И где ты будешь его искать?

– Все понял, вопросов нет.

– Тогда свободен. – сказал майор и, когда Фролов поднялся со стула, добавил: – Не поленись изучить схему поезда. Никогда не знаешь, что пригодится в работе.

Фролов вышел из кабинета. Городилов потянулся было к следующей папке, но едва не взвыл от боли. Каждый новый приступ был острее предыдущего. От правой щеки боль расплзалась по всему черепу. Мысль о том, чтобы вырвать зуб голыми руками перестала казаться бредом.

Городилов открыл шкаф с надежной найти обезболивающее. В глаза бросилась бутылка коньяка.

Он тяжело вздохнул и схватил ее за горлышко.

Глава 3

Внутри плацкартный вагон оказался старым, еще советским, с истертыми, исцарапанными стенами, потрескавшимися сиденьями и дребезжащими окнами. Словно машина времени он переносил в эпоху, лишенную интернета, ноутбуков и мобильных телефонов. Катя искренне надеялась, что хотя бы туалет окажется современным, иначе эта поездка рисковала занять последнее место в ее личном рейтинге.

Она сверилась с билетом и поняла, что ее место находится ближе к концу вагона. Чемодан на колесиках то и дело застревал в проходе, ударял пассажиров по ногам. Они возмущались, Катя в ответ без устали извинялась. Помогать ей, конечно, никто не собирался, а просить было неловко.

Катя проходила мимо плацкартных отделений, похожих друг на друга, как близнецы. Пассажирка одного из них – женщина с короткой стрижкой – громко спорила по телефону. Заметив Катю, она подозрительно сощурилась, будто вспоминая, где бы могла ее видеть раньше. Катя уставилась в пол и постаралась проскочить это место как можно быстрее, ожидая криков, вроде: «Это же она!» или «Смотрите, с нами едет преступница!»

Ничего подобного не произошло. Только очередной пассажир охнул, когда она ударила его углом чемодана.

Если та короткостриженная ее и узнала, то, похоже, пред-

почла промолчать. Значит, журналистом она не была – те предпочитали атаковать сразу, как голодные псы.

Они вряд ли последуют за ней на поезде. Скорее, будут ждать по прибытии на вокзал. Катя почувствовала как закипает. Разумеется, ее не оставят в покое даже после переезда. Может, уже вышла пара дрянных статей про беглянку.

Наконец, она нашла место под номером двадцать пять, на котором ей предстояло провести ближайшие семнадцать часов.

«По крайней мере, не боковушка у туалета, – подумала она, положив чемодан в рундук под кроватью. – Хотя, не все ли равно?»

Пассажиры на полках сверху, каким-то чудным образом, уже успели расстелить белье и теперь валялись, закрывшись одеялами от остального мира. Катя планировала поступить так же.

Место напротив было занято девушкой лет двадцати с длинными осветлёнными волосами. Она лежала, уперев бесконечно длинные ноги в верхнюю полку, и болтала по телефону. Катя, вежливо поздоровалась, но ответа не получила. Она не была уверена, что ее вообще услышали. Пожав плечами, принялась готовить место ко сну.

– ... в долбанном плацкарте представляешь? – возмущалась блондинка в телефон. – Я ей говорю, нет люкса, так давай, за купе доплачу. Выкуплю все четыре места, а если надо, то тебе на чай добавлю.

Невидимый собеседник что-то ответил. Слишком тихо, чтобы Катя могла разобрать слова. Судя по интонациям, он утешал ее как мог.

– Нет! Ты представляешь? – продолжала блондинка. – Эта жирная бабища сказала, что мест нет, и взятки мы не берем. А еще, если продолжу уговаривать, позовет полицию. Ну, не дура? Да она за месяц зарабатывает меньше, чем я предложила.

Пока поток слов продолжал изливаться, Катя успела застелить кровать и разложить вещи. Она достала телефон. Не то чтобы он был нужен, скорее, от скуки. Бросила взгляд на соседку.

Блондинка была весьма привлекательной. Она могла бы с легкостью победить в конкурсе «Мисс поезд Киров-Москва», если бы его проводили. Ни о какой конкуренции и речи не шло.

Точеные скулы, пухлые губы и длинные ресницы были больше похожи на результат вмешательства пластических хирургов и косметологов, нежели выигрыш в генетическую лотерею. Одежда известных брендов была не по карману большинству пассажиров, даже если бы они скинулись всем вагоном.

Глядя на нее, Катя чувствовала, как внутри, несмотря на все усилия, зреет зависть. Она понимала, что на фоне блондинки выглядит простушкой. Симпатичной (как она смела надеяться), но без искорки. Обычная девушка из обычной

семьи. Образ дополняли футболка и джинсы, сшитые трудолюбивым китайским рабочим, и купленные в ближайшем гипермаркете.

Блондинка, похоже, меняла мужчин как перчатки. Катя за всю жизнь встречалась лишь с одним молодым человеком. «Да и его уже нет», – горько подумалось ей.

– Полный отстой, – возмущалась блондинка. – Придется терпеть вонь от носков семнадцать часов подряд! Ни душа, ни хрена здесь нет. Надеюсь, хоть в вагоне-ресторане нормально покормят, а если нет, так я их научу!

Теперь Кате стало ясно, почему пассажиры с верхней полки хором легли спать или делали вид. Достаться могло каждому из них.

Поезд, тем временем, медленно, нехотя тронулся. За окном проплывали небольшие домики, знакомые с детства. Они надолго исчезнут из ее жизни, уступив место столичным высоткам.

– Ну, что ты зайчик, – в голосе девушки появились сюсюкающие нотки. – Я же ненадолго. Вернусь в Киров через пару недель. Все, целую, люблю. Пока.

Закончив разговор, она с удивлением обратила внимание на новую соседку. Катя поняла – девушка была настолько поглощена беседой, что и в самом деле ее не замечала. Секунду спустя на лице блондинки зажглась радость, словно они были знакомы тысячу лет.

– Привет! – ослепительно улыбнулась она. – Значит, по-

едем вместе? Я – Аделина. Только не вздумай назвать меня Ада, Лина или типа того. Это – не круто. Терпеть не могу, когда пытаются сократить мое имя.

Катя поздоровалась еще раз. Она тоже захотела представиться как-нибудь по-особенному, но не придумав ничего стоящего, просто назвала имя.

– Едешь в Москву по делам? – Аделина достала маленькое зеркальце и бросилась высматривать в себе недостатки, поправляя волосы то тут, то там. – Наверное, на заработки или на учебу?

– Да, вроде того...

– Точняк, – перебила ее Аделина. – В Москве денег много, как песчинок на пляже. Нужен только инструмент, чтобы их собрать. Кстати, там и мужика найти проще. Причем, нормального, не заморыша какого-то.

«Нормальные» мужики, судя по всему, означало – «богатые». Катя не собиралась спорить с человеком, с которым познакомилась минуту назад, поэтому решила сменить тему. Но в голову ничего не приходило – в соседнем отделении истошно завопил младенец. Громко. Казалось, его было слышно даже в кабине машиниста.

В тот же момент погас свет. Лишь отдельные лампы мигали, освещая вагон прерывистыми, как в азбуке Морзе, вспышками.

– Предъявите ваши билеты, пожалуйста, – из соседнего отделения на фоне тонких младенческих завываний послы-

шался низкий голос проводника.

Катя почувствовала, как необъяснимая тревога сжимает ее желудок. К тому же, стало немного холоднее или ей показалось? Она взглянула на соседку – Аделина возмущенно оглядывалась.

– Да у меня бабушка моложе, чем этот вагон! – воскликнула она. – Ненавижу поезда! А когда ни черта не работает – ненавижу еще сильнее! Я ведь хотела улететь самолетом, да только ни хрена не получилось. Оставили пару рейсов в неделю. Само собой, они битком набиты!

– Все билеты были распроданы, я тоже смотрела, – согласилась Катя. – Здесь, конечно, ремонт не помешает. Хотя бы по мелочам.

– Плацкарт никто ремонтировать не будет. Люди ездят? Значит, всех все устраивает. Про этот вагон наверху вспомнят, только если он развалится на ходу. И то – не факт.

Из соседнего отделения к ним приближался мужчина в форме проводника. Его испещренное морщинами лицо было похоже на лимон, потерявший форму от старости. Правый глаз был облеплен веком, из-под которого временами виднелось темно-бурое нутро. Хотя второй глаз казался здоровым, зрачок был белесого, почти белого цвета. Густая борода с проседью лишь частично скрывала обезображенный внешний вид.

Проводник обратился к Кате, но она пропустила его низкий голос между ушей, не в силах отвести взгляд в сторону.

Белый зрачок подпрыгнул и замер, уставившись на нее.

Мурашки побежали по позвоночнику вниз, от самой шеи. Краем глаза Катя заметила, что Аделина медленно отодвигается ближе к окну. Младенец за углом продолжал вопить, несмотря на увещевания мамы.

– Извините? – спросила Катя, выйдя из ступора.

– Предъявите ваши билеты, пожалуйста, – он не моргнул за все время диалога.

Ни разу.

– Ах да, конечно. Держите.

– Екатерина Романова? – уточнил проводник, изучив билет.

Она кивнула. Проводник невозмутимо сорвал верхнюю половину билета, вторую протянул назад. Катя попыталась взять документ, но у нее не получилось. Проводник крепко сжимал его, не отрывая взгляда от девушки. Зрачок, словно камера видеонаблюдения, фиксировал ее облик, жесты. Ее реакцию.

Катя с силой дернула билет. На это раз у нее получилось. Белый зрачок повернулся в сторону, потеряв к ней интерес.

– Вас это тоже касается, – проводник обратился к Аделине.

– А повежливее нельзя? – возмутилась она.

Проводник сделал шаг навстречу. Аделина, как можно быстрее, сунула в руку смятый билет, и отодвинулась еще дальше. Она даже не пыталась скрывать неприязнь. Проце-

дура повторилась, за исключением того, что проводник не стал удерживать документ. Без эмоций, без каких-либо слов он медленно направился в следующее отделение.

– Охренеть можно! – прошептала Аделина, когда проводник скрылся из виду.

– Жуткий, – согласилась Катя. – Я даже не сразу поняла, что он хочет.

Из следующего отделения вновь послышался голос проводника, требующего предъявить билеты. Девушки потихоньку стали приходить в себя.

– Таким, нахрен, надо запретить работать в службе, – заявила Аделина.

– Где же ему работать?

– А пусть хоть улицы метет! Там на него смотреть не никто будет.

– Мне его даже немного жаль, – призналась Катя. – Разве он виноват, что у него такое лицо? Представь, как ему тяжело в жизни. Как заводить семью, друзей?

– Не виноват, подруга, как же! – воскликнула Аделина. – Знаешь, что такое карма? Ты, типа, в этой жизни расплачиваешься за то, что сделала в прошлой. Вела себя плохо? Получай вот такое лицо! Я верю в карму. Был у меня знакомый, который...

Ее телефон ожил, разлился клубной музыкой по вагону. Начало песни показалось Кате знакомым – что-то из репертуара популярных певцов, вроде Сергея Лазарева, но спустя

мгновение Аделина нажала на кнопку ответа, и мелодия сменилась ее голосом:

– Котик, приве-е-ет! Я соскучилась, – после реплики собеседника, девушка продолжила щебетать. – Конечно, скоро приеду. Встретишь? Мой отпустил меня на пару недель...

Аделина болтала и ее голос был единственным громким источником звука в вагоне. Младенец в соседнем отделении перестал плакать. Лампы вновь исправно светили, как и в начале поездки. За окном проносились деревья, редкие дома, дороги.

Катя решила, что теперь пришла пора ложиться спать. Всего одна ночь и поезд окажется в Москве. Она достала из кармана белый пластиковый контейнер с надписью «Барбаслип». Откинула крышку, высыпала пару таблеток. Без этих крошек она бы вертелась на полке всю ночь.

Через пятнадцать минут снотворное подействовало, веки потяжелели. Вагон размеренно качался, убаюкивая. Глаза Кати медленно закрывались. Последним, что промелькнуло в сознании перед сном, было боковое место напротив. Возле кровати была привинчена серая металлическая табличка с номером «44».

Глава 4

На улице стоит солнечная летняя погода без единого облака на небе. Ничего удивительного, что даже посередине рабочей недели, парк был полон людей. Семейные пары выбрались с детьми на прогулку. Компании подростков с болтающимися школьными рюкзаками на спинах, наслаждаются мороженым, оживленно обсуждая новый фильм. Воздух переполнен счастливыми детскими криками – в такие моменты кажется, что неприятностей в мире вовсе не существует.

Катя прогуливается по парку в легком платье с одуванчиками, с маленькой сумочкой на плече. В правой руке – подтаявшее мороженое. Левую – не отпускает Дима, продолжая увлеченно болтать о том, кем будет работать после окончания института. Они знакомы не так давно, чтобы узнать характер друг друга до мелочей, но вполне достаточно для того, чтобы понять глубину их чувств. Катя втайне от Димы подумывает о том, как будет проходить их свадьба, хотя понимает – эти планы были так далеки от мыслей парня, как ближайшая обитаемая планета от Земли.

Они останавливаются возле фонтана, выполненного в форме статуй двух влюбленных – молодой человек и девушка целуются под зонтом. Катя удивляется, она никогда не была в это месте, хотя город знает, как свои пять пальцев. Ее вдруг охватывают странные тревожные подозрения. Ка-

кая это улица? Какой район? Тот ли это город?

Дима касается ее руки, и плохие мысли тонкой струйкой утекают прочь.

Они вместе, а значит все идет, так как нужно, где бы они ни находились. Летняя духота сменяется приятной прохладой.

– Вкусно? – спрашивает Дима.

– Фисташковое? – говорит Катя. – Оно невкусным не бывает!

– Помню-помню – твое любимое. Ты бы его тоннами ела, да бережешь фигуру. Между прочим, сейчас в моде «плюс-сайз».

– А что еще ты обо мне помнишь? – лукаво спрашивает Катя.

– Все, что спросишь! Вот настолько я хорош!

– Тогда докажи, – продолжает она, посмеиваясь. Парень еще не понимает, что ловушка вот-вот захлопнется. – В какой день мы с тобой познакомились?

Дима нахмуривается, словно решает сложное уравнение. Подростки неподалеку будто специально включают музыку на полную катушку. Пауза становится слишком длинной.

– Ну вот. А говоришь, что все помнишь! – не выдерживает Катя. Она притворно толкает парня в грудь. – Вруша!

– Четырнадцатого февраля. В День святого Валентина. Ты ехала в автобусе на заднем сиденье. Читала книгу. Едва я вошел, сразу заметил, – говорит Дима. – Две остановки думал,

с какой фразы подкатить. Потом подошел и сказал...

– «В конце этой книги убийцей окажется кот дворецко-го», – заканчивает за него Катя. – А ведь это был учебник по психологии. Худший подкат в мире!

– Главное, что сработало.

– Да мне просто стало так смешно, до коликов в животе, что я не могла отказать в свидании.

– Ой, ну конечно. Смотри, мороженкой не обляпайся! – замечает Дима. – Как бы то ни было, день я вспомнил. Как и обещал.

– Ну, хорошо. Тогда ты заслужил приз!

– Какой?

Катя прижимается к нему и дарит долгий теплый поцелуй. На улице определенно становится жарче.

«Смотри на них», – слышатся голоса прохожих. Некоторые бросают взгляд тайком, будто случайно. Другие, как та пожилая женщина с сердитым лицом, не скрываются, осуждая столь свободное поведение.

Катя смущается, но не от взглядов прохожих. Чувство потерянности возвращается вновь. Сперва она не может понять, в чем дело.

Во рту непонятный солоноватый привкус – вот в чем. Катя удивленно отстраняется от Димы. Проводит рукой по губам. На пальцах остаются бурые пятна крови.

«Что со мной не так?» – приходит первая мысль.

Вторая возникает через секунду: «Нет, это не моя кровь».

Она переводит взгляд на Диму, пытаясь что-то сказать, но слова застревают на языке. Он выглядит бледным, даже синеватым. Из рта, пульсирующими распухшими червями, выпадают кровавые сгустки. Будто он и не человек вовсе, а пакет с кетчупом, который все сильнее сжимается под напором невидимой руки.

– Это – ты, – произносит Дима. Но голос чужой – низкий, злобный.

– Что? – спрашивает Катя, но вместо вопроса получается едва слышный писк.

– Ты убила его.

Деревья, дороги, дома вокруг парка слегка потрясывает, как на экране неисправного монитора. Сначала они становятся прозрачными, затем исчезают, оставляя после себя пустоту. Сплошную стерильную белизну. Кроме парка в этом изломанном мире ничего не остается.

Катя стоит на месте, не в силах пошевелиться, но взгляд скачет с окружения на Диму, и обратно. Его залитое кровью лицо изменяется. Белая кожа покрывается трещинами, крупные куски слоями падают на землю. Левая половина головы испещрена кусками битого стекла. Часть черепа вогнута внутрь так глубоко, что это кажется невозможным.

Катя переводит взгляд ниже – белая рубашка парня покрывается бурой жидкостью, проступающей изнутри. Все вокруг темнеет.

Этого не может быть. Такого просто не бывает в реально-

сти. Прохожие больше на них не смотрят. Они разом уткнулись в смартфоны, их лица ничего не выражают.

«Почему никто не реагирует?»

– Ты убила его. Ты убила его, – повторяет Дима все громче. – Это твоя вина. Твое бремя.

Его слова эхом отражаются вокруг. Прохожих становится все больше. Толпа сгущается, подбирается ближе. Люди не замечают друг друга, толкаются, не отрываясь от смартфонов. Их безразличные рты выплевывают одни и те же слова:

– Убийца! Убийца! Убийца!

Катя понимает, что истошно кричит. Вопль придает ей сил, вырывает из обреченного плена. Она срывается с места, бежит как можно дальше, как можно быстрее. Мимо серых, тупых масс, тычущих в нее пальцами.

Они не видят в ней человека. Видят всего лишь временное представление. Зрелище на потеху.

– Убийца! Убийца! Убийца!

Она продолжает бежать так быстро, что легкие, кажется, просто не успевают поглощать воздух. Но толпа не кончается – словно весь город собрался на шоу. В рутинной бытовухе объявлен перерыв на травлю. Небольшое развлечение среди скучной жизни.

В безумном круговороте мелькают знакомые лица: ее бывшие одноклассники, соседи, отец, Аделина, одноглазый проводник, Дима, снова Дима, снова Дима, снова Дима...

Катя останавливается, сгибаясь пополам. Сил бежать

больше нет, все внутри горит. Когда она, наконец, распрямляется, перед ней вновь оказывается Дима. Он держит за руку ребенка лет семи-восьми. Полосатая майка, шорты, бейсбольная кепка. Порваны и покрыты кровью. Большие голубые глаза смотрят сквозь Катю.

Их тела вывернули как сырую тряпку. Конечности смещены, будто кости неудачно срослись после множественных переломов.

Рот Димы открывается. Катя, поражаясь сама себе, невероятным образом знает, что произойдет дальше.

– Убийца! – шипит он.

Затем с силой толкает в сторону. Катя тщетно пытается удержаться на ногах. Падая, она успевает заметить приближающийся серебристый «Фольксваген». Боль от удара пронзает тело. От столкновения Катю отбрасывает под ноги толпе. Последние секунды агонии кажутся вечностью. Глядя снизу вверх, она видит их довольные лица, уткнувшиеся в маленькие экранчики. Мир тускнеет, принося долгожданную смерть.

Глава 5

В поезде стояла непривычная тишина. Не раздавалось стука колес, скрипа тормозных колодок, болтовни пассажиров. Катя лежала на кровати, уставившись в потолок, и не могла слышать ничего, кроме собственного дыхания. Тело было напряжено после ночного кошмара.

Лампы горели, но свет был приглушен, поэтому все казалось погруженным в полумрак. Катя помнила, что обычно так делается ночью, чтобы дать пассажирам возможность поспать.

Две таблетки «барбаслипа» должны были гарантировать, что она не проснется до утра. Но она проснулась, было это следствием кошмара или нет. Катю не покидало ощущение необъяснимой тревоги.

Она приподнялась, боясь разбудить окружающих громким шорохом или скрипом, но обнаружила, что Аделина куда-то пропала. Верхние полки тоже были пусты. Более того, отсутствовали простыни, одеяла и подушки. С обеденного столика пропали бутылка воды и пачка сухарей, оставленные соседями перед сном.

«Спокойно, – подумала Катя, – Поезд всего лишь остановился на одной из множества станций по пути. Одни вышли покурить, другие – в туалет, третьи сошли на других остановках. Перестань нагнетать. Все вернутся на свои места и

поезд тронется дальше».

Катя провела рукой по столу. Взглянула на соседнюю полку.

Может, все и правда временно покинули поезд. Так хотелось думать. Вот только это никак не объясняло стерильную чистоту вокруг.

Была еще одна деталь, которая вызывала беспокойство. Аделина не стеснялась в выражениях, но говорила правильно – вагон был пропитан смрадом старых носков и немых тел. Так было до того, как Катя провалилась в сон. Сейчас она не чувствовала ничего. Столы, полки, стены не издавали никакого запаха, словно не существовали.

Катя прильнула к окну – снаружи сумерки перетекали в ночь. Удалось разглядеть нестройные ряды деревьев, укутанных зыбкой тумана. Ни одного здания, фонаря или информационной таблички. Ни одного признака человеческой цивилизации.

Идея о том, что все разом решили уйти погулять в лес посреди ночи, казалась все более неправдоподобной. Кроме того, если уж Катя умудрилась проснуться в тишине, то топот пассажиров разбудил бы ее не хуже выстрела из пушки.

Однажды ночью она проснулась в своей комнате с мыслью о том, что в квартире кроме нее никого не осталось. Ей было шесть лет. Отец прошлым днем, как назло, уехал в командировку и должен был вернуться еще не скоро. Мама должна была спать в соседней комнате, но Катя всем сердцем ощу-

щала, что осталась одна.

Она говорила себе: – «Такого не может быть. Мамочка никогда не бросит меня». Но тишина в квартире говорила обратное.

Катя помнила, как шла по коридору, опасаясь чудовищ, притаившихся за углом. Если бы они рычали, вопили, визжали, было бы легче, как ни странно. Но она слышала только отзвук своих шагов, и это пугало еще больше.

Когда Катя добралась до спальни родителей, то все мысли о чудовищах мгновенно улетучились перед ужасами реальности. Ее мама неподвижно лежала посреди комнаты. Катя позвала ее несколько раз, все громче и громче.

Врачи установили, что причиной смерти стал инсульт. А еще позже она узнала, что кровоизлияние парализовало маму, и она оставалась живой еще какое-то время, пока Катя спала.

Мысль о том, как она лежала в ожидании помощи, как ждала, что кто-нибудь придет, тревожно напоминала о себе время от времени. С тех пор Кате было невыносимо оставаться в одиночестве.

Но одиночество настигло ее сегодня.

Она вышла в коридор вагона, в котором тоже не была ни следа человека. Мысль о чудовищах, затаившихся в соседних отделениях, удалось отбросить прочь. В конце концов, она уже не маленькая девочка, а они не заплатили за билет. Но пассажиры-то куда запропастились?

– Ау! – позвала она.

Никто не откликнулся. «Почему «Ау»? Ты же не заблудилась?» – Катя мысленно отругала себя.

– Есть здесь кто-нибудь? – она заметила, что голос дрогнул. – Ответьте, пожалуйста. Мне нужна помощь!

И вновь ответа не было. Люди не просто покинули поезд, они в нем как будто никогда и не были. Катя метнулась обратно к своей кровати. Пришлось не один раз перерыть простынь с одеялом, чтобы наконец-то найти телефон. Он обнаружился под подушкой.

Индикатор связи на экране показывал не просто ноль «палочек» – деления были перечеркнуты жирным крестом, буквально кричащим: «даже не думай никому звонить, милая, ты в полной дыре». Этого следовало ожидать. В пути связь пропадала уже через несколько минут после отбытия от станции. Но почему бы не попробовать? Полистав список контактов, Катя остановилась на отце. Самое время позвать офицера Романова на помощь.

– Уважаемый абонент! Вы находитесь вне зоны действия сети... – слышалось из динамика.

– Я знаю! – крикнула Катя. Она ожидала, по крайней мере, одного гудка. На всякий случай Катя попробовала набрать «112», но экстренные службы тоже оказались вне зоны доступа.

Связи нет. Ни одного человека вокруг. Поезд стоит ночью посреди чьего-то леса. Что может еще пойти не так? Катя

вспомнила, как однажды читала памятку о правилах поведения в лесу. «Если вы заблудились, то оставайтесь на месте и постарайтесь подать сигнал. Так вас будет легче найти». Кажется, там говорилось именно так? Вот только вряд ли они имели в виду ситуацию, когда внезапно пропали все, кроме тебя.

Катя решила осмотреть поезд целиком. Фактически, она останется в том же самом месте, не так ли? Она включила фонарик на телефоне. Ослепляющий поток света немного успокоил. Достаточно для того, чтобы попробовать осмотреть следующие вагоны. Сколько их всего? Она решила двигаться вперед, пока поезд не закончится.

Катя шла по коридору, подсвечивая плакатные отделения. Все они были стерильно чистыми, без малейших следов пассажиров. Лишь потертости на кроватях говорили о том, что их использовали.

Когда Катя оказалась в тамбуре, до ее ушей донесся странный звук. Как будто маленький зверек тихо скребся или терся о поверхность. После давящей тишины это могло означать что угодно. Звук, похоже, шел из туалета.

Катя осторожно приблизилась к двери. Ее воображение рисовало пугающие картины.

Громкий чавкающий рев, который грянул из туалета, заставил Катю отпрыгнуть назад. Металлическая ручка двери дернулась. Затем еще раз.

Послышалась недовольная брань, после чего дверь, нако-

нец, открылась. Из туалета показалась Аделина с полотенцем, перекинутым через плечо.

– О, проснулась, соня? – спросила она. – Ты чего так уставилась?

– Господи, как же ты меня напугала! – воскликнула Катя. Получилось громче, чем ей хотелось. Испуг, впрочем, уже сменился облегчением. Теперь она была не одна.

– Ты не знаешь, что произошло?

– В туалет я сходила – вот, что произошло, – недоуменно ответила Аделина. – Не думала, что это объявили вне закона.

– Перед этим, – не отставала Катя, – ты видела, что творится в вагоне?

– Видела, что везде грязно и воняет. Только слепой бы не увидел. И должна тебя предупредить – в туалете не лучше. Слив не работает. Советую взять с собой побольше бумаги или бутылку воды. А лучше потерпи до Москвы.

Кате все же удалось объяснить ей, что в вагоне нет и следа людей. Что они, возможно, застряли посреди леса. И что кроме них никого больше нет. Поначалу, Аделина перебивала ее саркастическими замечаниями, но потом прониклась. Недоверие, правда, сползло с лица не сразу.

Когда история была окончена, Аделина убедилась в сказанном лично. Она прошла сначала в одно отделение, метнулась в другое, добежала до третьего. Ее действия сопровождались удивленной бранью.

– Что за нахрен? Почему мы стоим в какой-то глухомани?

Катя пожалала плечами. Именно это она и пыталась объяснить последние несколько минут. По крайней мере, одиночество ей не светило. Две головы лучше одной, даже если обе дурные.

– И что теперь делать? – спросила Аделина, тупо уставившись в окно.

Не успела Катя ответить, как дверь позади нее с лязгом распахнулась. Девушки одновременно обернулись, чтобы увидеть, как в вагон вошел высокий брюнет с короткой стрижкой. Он сразу же направился к девушкам.

– Ты еще кто? – испуганно спросила Аделина, сделав шаг назад.

– лейтенант Фролов. Спокойно, дамы, я из уголовного розыска, – мужчина обезоруживающе поднял руки. Затем с чувством добавил: – Приятно увидеть хоть кого-то живого.

Катя подумала, что он был старше ее, но разница в возрасте вряд ли была больше пяти лет. Закатанные рукава голубой рубашки подчеркивали мощные предплечья. Скуластое невозмутимое лицо казалось высеченным из камня. Легкая небритость придавала мужественности.

Катя вдруг осознала, что оценивает его. Она заставила себя прекратить.

«Нашла время! Давай еще, позаигрывай. Покажись полной дурой», – подумала она. И все же он был довольно привлекательным.

– Ты сказал «хоть кого-то живого»... – заметила Катя. –

Неужели в других вагонах...

– Нет-нет, я просто имел ввиду, что там никого нет. Ни души, – поспешил добавить Фролов. – Тут, похоже, такая же история? Куда все подевались?

– Хотела бы я это знать. Но мы тоже не смогли никого найти. Правда, осмотрели всего один вагон.

– Мы? Вас много?

– Аделина и я, – ответила Катя. – Больше нам встретить никого не удалось.

– Аделина – это я, – девушка подняла руку и обаятельно улыбнулась. – А имя-то нам скажешь? Нет, мы, конечно, можем звать тебя лейтенант Фролов или мистер Уголовный Розыск, если тебе по душе.

Трудно было понять, понравился парень Аделине или она флиртует со всеми подряд. Катя склонялась ко второму варианту. Она ощутила нечто похожее на ревность, хотя повода для этого не было. Этот мужчина даже не был ей знаком, не говоря про отсутствие какой-либо романтики вокруг. И вообще, думать надо было совсем о другом.

– Меня зовут Максим, – представился он.

– Так скажи нам, Максим, что происходит? Твой вагон тоже девственно чист?

– Не то слово. Я даже наружу пытался выйти, да только все двери и окна заперты, – он нахмурился. – Честно говоря, меня это все напрягает. Взгляните в окно – там сплошной лес. Не редкие елочки как в парке, а настоящая чаща. Ни

следа станции вокруг, иначе мы бы заметили. Так что если поезд остановился в лесу, то ничего хорошего это не означает. Может, произошла авария? Или еще хуже...

– Террористы? – попыталась угадать Катя.

– Очень надеюсь, что нет. К тому же, я не видел жертв или следов взрыва, борьбы – чего угодно.

– Всех могли эвакуировать, – сказала Аделина.

– Так, чтобы никто из нас не услышал? Сомневаюсь. Нет, здесь что-то другое.

– О, я знаю! – воскликнула Аделина.

Максим и Катя молча уставились на нее. Она с загадочным видом выдерживала паузу.

– Говори уже! – не выдержала Катя.

– Это квест!

– Что?

Аделина, ничуть не смутившись, пробовала объяснить:

– Вы что, последние десять лет в пещере прожили? Похоже на то, хотя по виду и не скажешь. Квесты – это как головоломки, только в реальной жизни. Запирают тебя в каком-нибудь лабиринте, а ты пытаешься выбраться. А у нас, значит, вместо лабиринта – поезд. Я однажды участвовала в квесте, так за нами гонялся маньяк с бензопилой. Как высказывает такой из-за угла, представляете? Актер, понятно, но страшно было до усрачки!

В другое время Катя назвала бы такую мысль идиотской, даже не задумавшись. Но здесь, когда они были одни, без

связи и в полном недоумении, даже такая глупость могла оказаться правдой. Максим покачал головой. Похоже, он не слишком поверил в идею Аделины.

– Если это квест, то кто же нам его устроил? – спросил он.

– Не знаю, еще не думала, – пожала плечами Аделина. – Может, мой муж? У него достаточно денег на хороший розыгрыш. Хотя на него это не похоже. Большие проблемы с фантазией, знаете ли.

Кате почувствовала, как начинает уставать от бессмысленной болтовни. Они попросту топтались на месте и ничего не делали.

– Хватит спорить, – сказала она. – Пусть это будет квест, пока что-нибудь не прояснится. Все равно других версий нет.

Аделина с довольной улыбкой кивнула.

– Но квест это или нет, нужно что-то делать, так? Максим, у тебя есть предложения?

– Дайте подумать, – он почесал лоб. – Пока что я осмотрел только свой вагон. Потом услышал голоса и отправился на звук. Встретил вас. Как знать, может, в поезде есть и другие люди? Думаю, стоит их поискать, а там все вместе что-нибудь придумаем.

– Неплохая мысль, – одобрила Катя.

– Может быть, найдем выход. Или подсказку, – поддержала Аделина.

– Хорошо, тогда предлагаю двигаться вперед, пока не дой-

дем до локомотива. В кабине машиниста должен быть пульт управления всем поездом.

Теперь, когда у них был четкий план, все трое почувствовали себя увереннее. Одно дело вслепую тыкаться по углам, и совсем другое – шаг за шагом следовать пунктам плана.

Они направились в сторону локомотива, стараясь не пропустить что-нибудь важное по пути. Глядя на то, как фонари их смартфонов разрезают тьму поезда, Катя чувствовала себя героиней фантастического фильма. И это было намного приятнее одиночества.

Максим возглавлял группу, девушки следовали за ним.

– Да, и не волнуйтесь, – сказал он, обернувшись, – В любом случае, надолго мы здесь не застрянем. Я всегда могу выломать окно. Вылезем через него, высота не очень большая.

– Что ж, – улыбнувшись заметила Катя, – будем надеяться, что до этого не дойдет.

Глава 6

Следующий вагон оказался пустым. Как и еще один, после него. Катю не оставляло ощущение, что они идут по заброшенному поезду, чудом сохранившемуся с советских времен. Не хватало лишь следов пыли, да паутины в углах. Наоборот, все окружала музейная чистота.

Вагоны были похожи как близнецы. Катя почти не замечала разницы, когда переходила из одного в другой. Разве что по мелочам: там висит другой плакат; здесь на койке потрескалась кожа...

Катя постаралась вспомнить, какой номер был указан в ее билете. Восемнадцатый, кажется? А сколько они уже прошли? Пару-тройку или, может быть, с десяток? Поезд был длинным как клубок, растянутый в линию.

– Кстати, ты так и не сказала, как тебя зовут, – голос Максима вырвал ее из состояния задумчивости.

– Катя, – улыбнулась она.

– Очень приятно.

– Взаимно.

Катя ощущала себя неловко. Хотелось продолжить диалог, но она никак не могла придумать тему для разговора. Они шли рядом, насколько это позволял узкий коридор. Чуть поодаль следовала Аделина, делая вид, что внимательно осматривает каждый закуток. «Если кто теперь и третий

лишний, то не я», – подумалось Кате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.